

Каждый день в одно и то же время в подземную палату, куда не проникал солнечный свет, приходил мужчина в черном плаще.

От него всегда пахло сигаретами, иногда с примесью не выветрившегося порохового дыма. Будучи профессиональным убийцей, Джин не имел привычки пользоваться парфюмом, однако многолетняя зависимость сделала табачный запах своего рода меткой, неизменно остававшейся на кончиках его пальцев.

В отличие от обычных людей, его организм был способен почти идеально расщеплять продукты жизнедеятельности и токсины. Именно поэтому они с Вермут казались неподвластными старению. Даже если он злоупотреблял курением или выпивкой, это не приводило к накоплению критических доз ядовитых веществ, хотя излишне агрессивные химические соединения всё же наносили его нервной системе и мозгу повреждения, которые восстанавливались крайне медленно.

Поскольку это могло повлиять на его работу, он предпочитал использовать лишь то, что не вредило организму.

Придя, мужчина не проронил ни слова. Он подошел к кровати, склонился и посмотрел на прибранного к рукам щенка. Затем, наклонившись еще ниже, он протянул руку и коснулся подушечками пальцев щеки ребенка, но внезапно его запястье крепко перехватили.

Мальчик на больничной койке открыл глаза. Его темные зрачки по-прежнему оставались большими и безжизненными, однако взгляд был куда более осмысленным, чем вчера. Вспомнив слова Цудзи Кудзи о необходимости регулярных инъекций, Джин понял: как подопытный, мальчик был обречен на периодическое получение препаратов, а его нынешнее состояние глухонемого — не что иное, как результат манипуляций Цудзи Кудзи.

Взгляд Джина оставался холодным, в нем не было ни капли жалости или сочувствия.

За долгие годы, проведенные в самой гуще тьмы, он насмотрелся на такое количество трагедий и сам стал причиной стольких несчастий, что обычные страдания уже давно перестали вызывать в его душе хоть какой-то отклик.

Не обращая внимания на жалкое усилие, с которым мальчик сжимал его ладонь, Джин ущипнул его за щеку и заставил поднять голову, чтобы осмотреть. Тот выглядел всё таким же болезненным. Джин едва слышно хмыкнул, испытывая легкое презрение к самому себе за то, что пошел на поводу у Цудзи Кудзи.

Должно быть, он окончательно выжил из ума, раз решил взять на попечение этот бесполезный груз.

Мальчик, похоже, почувствовал боль от щипка — на щеке остались красноватые отпечатки пальцев. Нахмурившись и прищурившись, он изо всех сил мотнул головой, вырываясь из

захвата, и вцепился зубами в кожу между большим и указательным пальцем мужчины. Его холодные глаза, пусть и по-детски пустые, сейчас были острыми, как крючья.

Человеческий укус — одно из самых мощных воздействий, на которое способно тело обычного человека. Даже если речь идет о таком слабом, полуживом щенке, вид оскаленных белых зубов заставлял проявить осторожность.

Джин проворно перехватил челюсть мальчика и выдернул руку. Он не разгневался — напротив, глядя на бесстрашный, настороженный взгляд ребенка, он почувствовал, что тот заслуживает некоторого признания.

В нем оказалась некая дикость. Это было интереснее, чем он предполагал. Джин вытащил из кармана хлопковый платок, вытер ладони, но на этот раз не стал хватать парня за подбородок, а, следуя указаниям Тодзи Кюдзи, с мягким нажимом вложил свою руку в ладонь юноши. Столь безопасный контакт не пересёк черту его обороны, и юноша, помедлив, нерешительно сжал пальцы, обхватив широкую ладонь пришедшего.

В обывном состоянии юноша не отличался чрезмерной чувствительностью, однако, лишившись зрения и слуха, он обострил остальные чувства до предела. Он оставался настороже, но всё же не стал полностью отвергать прикосновение: с минуту помявшись и вцепившись в пальцы мужчины, он неуклюже притянул их к лицу, пытаясь принюхаться. Впрочем, из-за слепоты он случайно уткнулся носом прямо в центр мужской ладони, и с точки зрения Джина перед ним осталась лишь мягкая макушка с шелковистыми волосами.

Джин: ...Ощувив легкую щекотку в ладони и жаркое дыхание, Джин неожиданно проявил удивительное, глубокое терпение. Он так и стоял на месте, наблюдая за движениями юноши, и позволил тому ухватить его за руку, изучая и осторожно исследуя его.

Юноша не умел отличать запах пороха и принял его за неотъемлемую часть аупы гостя, возможно, даже гадая, что же именно заставило аромат этого человека претерпеть столь неуловимые изменения. Похоже, наконец осознав, что этот запах ему смутно знаком, он ослабил бдительность, поднял голову и посмотрел на пришедшего пустыми глазами. Его пальцы скользнули вверх по запястью мужчины, пытаясь нащупать черты лица.

Джин, разумеется, не собирался, подобно любящим родителям, позволять какому-то подростку трогать свое лицо, и властным движением отбросил его руку. Невольно прядка ледяных волос скользнула между пальцев юноши, оставив глубокий след в его памяти.

Мужчина небрежно взъерошил макушку подростка, словно выполнив дневную норму, вытер пальцы носовым платком, а затем безжалостно повернулся и ушел.

Каждый последующий день повторял сценарий этого. В конце концов юноша перестал проявлять сильную агрессию к приходящему, а Джин постепенно привык к столь своеобразному способу установления связи, перестав в раздражении уходить прочь, как в первый день.

— Не... ухо... ди... — наконец в один прекрасный день юноша заговорил.

Однако голос его звучал хрипло и грубо, а интонации казались странными — неизбежный результат долгого молчания и невозможности услышать собственный отзвук.

Нащупав дорогу, он протянул руку и ухватился за прядь гладких, слегка прохладных волос. Глаза, что во время укуса казались такими пугающе оскаленными, теперь широко раскрылись, источая почти через край переливающуюся зависимость, которой сам их хозяин даже не замечал.

Среди долгих часов заточения в этом подземном подzemелье этот человек оказался первым, кто коснулся его с нежностью.

И впервые за все прошедшие пятнадцать лет кто-то приласкал его. Без каких-либо скрытых замыслов, без грязных прикосновений и грубой силы — лишь простое дарование капли суховатого тепла, зажегшего костер посреди его непроглядной ночи.

— Он так сказал? — Цудзи Кудзи как раз просматривал результаты экспериментов и при этих словах поднял голову, а на его лице заиграла вполне ожидаемая улыбка. — Понятно, тогда через три дня можешь забрать его. Когда мальчик очнулся, на его мозг обрушился поток зрительных и слуховых впечатлений — впервые за долгое время. Огромный массив хаотичной и избыточной информации заставил юношу, привыкшего к долгой жизни в тишине и темноте, вскочить с больничной койки и попытаться вырвать внутривенный катетер из руки. Подоспевший исследователь пресек его действия, но в итоге всё же помог вытащить иглу, чтобы парень случайно не навредил себе.

Мягкая женщина-исследователь долго и тихо объясняла ему, что именно произошло, пока наконец не успокоила юношу и не помешала ему окончательно сорваться. Затем она принесла ему сменную больничную одежду и велела воспользоваться ванной комнатой, которая шла в комплекте с палатой.

Когда вошел Джин, перед его взором предстал юноша, который тревожно и настороженно сжался в изголовье кровати. Его черные волосы достигали плеч, а несколько растрепанных прядей падали на щеки, обнажая пару бдительных и пронзительных глаз. В них читалась волчья хватка, выкованная тяжелой жизнью, и с каждым его шагом этот взгляд становился только свирепее.

Вспомнив, как вчера этот мальчишка, словно неопытный звереныш, простодушно тыкался носом в его ладонь, а сегодня пытается запугать его с видом грозного на словах, но слабого внутри человека, Джин невольно сравнил его с волчонком с черной шерстью. Следуя указаниям Цудзи Кудзи, Джин безоговорочно положил руку на макушку мальчика, который попытался отпрянуть назад, уклоняясь, и, вспомнив вчерашнюю позу и силу нажатия, легко погладил его пару раз, отчего юноша ошеломленно замер.

Он поднял взгляд на вошедшего, и бдительность в его глазах исчезла. Нерешительно склонив голову набок и прислушиваясь к своим ощущениям, он хриплым, странным голосом медленно произнес:

— Это... ты?

Джин опустил взгляд, разглядывая его, и рука, гладившая волосы, плавно скользнула к подбородку. Приподняв его лицо, чтобы получше его рассмотреть, мужчина наконец отнял руку и спросил:

— Помнишь, как тебя зовут?

Мальчик позволил ему делать с собой всё, что угодно, не сопротивляясь и не уворачиваясь. В его холодном выражении лица проступало нечто упрямое:

— Пом...ню... А что?

— Твои раны уже зажили. Какие планы на будущее?

Мужчина стоял у его кровати, но в его тоне почти не было вопросительных ноток. И тем не менее, пятнадцатилетний юноша не смог распознать скрытого подтекста и вполне естественно задумался над вопросом собеседника.

Спустя мгновение мальчик опустил глаза и, поджав губы, произвел:

— Никаких планов.

Голос Джина звучал низко и бесстрастно:

— Тогда отправляйся со мной. Я обеспечу тебя едой и жильем.

Услышав это, мальчик поднял голову и в упор посмотрел на мужчину. В его взгляде читались настороженность и сомнение, и он хрипло спросил:

— Какая от меня... польза?

Юноша с детства рос в детском доме. В какой-то момент другие дети прозвали его «ребенком убийцы». Поскольку они жили в глухой провинции с небольшим населением, слухи распространялись быстро, и это прозвище преследовало его всю начальную и среднюю школу. Разумеется, в японском обществе ему неизменно приходилось сталкиваться с буллингом со стороны сверстников. По своему характеру юноша был замкнутым, не имел друзей и всегда давал сдачи тем, кто над ним издевался, однако это лишь усугубляло превратное мнение ровесников о нем. В конце концов он почти перестал ходить в школу, подрабатывая драчуном у уличной шпаны ради куска хлеба, — и тем не менее каждый раз возвращался в учебное заведение на итоговые экзамены, неизменно получая на удивление высокие баллы.

Учителя в японских государственных школах отличались слабохарактерностью: боясь жалоб от родителей в родительский комитет, они редко вмешивались в школьную травлю. К тому же дурная слава мальчика была широко известна в округе, и многие преподаватели смотрели на него сквозь пальцы.

А в Токио он оказался потому, что по окончании средней школы завершил обязательное

образование и на сэкономленные деньги купил билет на шинкансен — судя по всему, намереваясь покинуть привычную обстановку и начать новую жизнь.

Но в итоге по стечению обстоятельств угодил в такую переделку.

Слова Иншань Бу показались Джину занятыми: получив возможность, о которой всегда мечтал, этот юноша прежде всего поинтересовался, какую ценность он может предложить взамен. Его проницательность, зрящая в самый корень, была почти несовместима с образом замкнутого подростка с низким уровнем социализации, описанным в его досье.

— Должно быть, ты знаешь, что тебе ввели новый препарат, и тебе посчастливилось обрести необычайные способности, — мужчина не стал скрывать ничего и выложил всё напрямую. — Как раз сейчас я ищу того, кто мог бы мне помочь.

Мальчик все-таки был еще слишком неопытен в делах этого мира, и при этих словах его сомнения постепенно развеялись:

— Что за способности?

— Скорость твоего восстановления после ранений колоссальна. Настолько, что пока ты не умираешь на месте, ты будешь жить.

Джин достал из кармана портсигар, зажал в губах сигарету, но сдержался и не стал чиркать зажигалкой, помня, что они находятся в подземной палате.

— Но я не собираюсь относиться к тебе как к расходному материалу. Мне нужны исправные инструменты. Ты получишь качественное образование и подготовку, а условия твоей жизни будут намного лучше прежних.

Мальчик замолчал.

Мужчина тоже не стал его подгонять: он лишь молча стоял рядом, опустив взгляд и наблюдая за переменами в выражении лица юноши, пока наконец не услышал предсказуемый ответ:

— ...Я понял. Я все сделаю.

— Прекрасно.

Мужчина с одобрением протянул руку и потрепал его по голове, однако в его голосе не было никаких эмоций.

— Завтра я навещу тебя снова.

Черные глаза мальчика слегка сузились, и на его лице невольно проступило расслабленное выражение.

Выйдя из палаты, Джин щелкнул крышкой зажигалки в пальцах, и та то затухала, то вспыхивала в воздухе. Он прикусил мундштук сигареты, прогоняя слабый осадок сложнейших эмоций, оставшихся после разыгранного спектакля.

Всё шло именно так, как и предсказывал Цудзи Кудзи. Стоило им следовать сценарию, написанному этим парнем, как мальчик послушно шел за ним, словно марионетка на ниточках, добровольно вышедшая на сцену. И от этого опасения Джина по отношению к Цудзи Кудзи стали еще сильнее. Кто знает, когда изощренные методы этого человека снова затянут его в ловушку, или же все их общение с самого начала и по сей день находилось под его полным контролем? В конце концов, мастер манипулирования человеческими сердцами всегда показывает людям лишь то, что они хотят видеть.

Лучше никогда не становиться врагом для столь опасного человека.

Джин засунул зажигалку обратно в карман плаща и широким шагом покинул это лишенное солнечного света место. Иншань Бу изучил историю болезни, которую читал Джин, задолго до того, как у него прошли симптомы слепоты. На первый взгляд он лишь наощупь быстро перелистывал бумажные страницы, но на самом деле фоновые процессы Системы уже отсканировали всё содержимое, благодаря чему он получил полную информацию о прошлом своего персонажа. Экспериментальный препарат нанёс вред его телу, поэтому Система изъела его, однако слепота и глутания были неотвратимой сюжетной гибелью, заложенной в его образе, позволившей ему на собственном опыте долгое время пробыть в крошечной тьме. К счастью, времени, когда он находился в сознании, было немного, а в фоновом режиме нашлось множество занятий, чтобы скоротать время, к тому же Система могла с ним болтать, благодаря чему нормального человека не довели до безумия.

Будь он несчастным и наивным юношей, после череды подобных манипуляций у него действительно мог бы развиваться Стокгольмский синдром или синдром утёнка, и Иншань Бу как раз воспользовался этим, чтобы усилить такое впечатление, усыпить бдительность окружающих и ускорить получение их доверия.

Скелет своего образа он выстроил сам, а мелкие детали Система доработала и усовершенствовала самостоятельно, превратив его в многогранный и живой персонаж. Именно это и было сложнейшей задачей, которую ему приходилось постоянно преодолевать при отыгрыше роли, ведь ему требовалось в любой момент собирать всю доступную информацию и вплетать её в собственный сценарий.

Хотя он обладал взглядом всезнающего наблюдателя, его превосходство над обычным читателем было не столь велико, и единственным его преимуществом оставалось то, что его поступки никто не мог предсказать.

Хотя раньше он и догадывался, что его происхождение вряд ли окажется выдающимся — всё-таки на старте он был сиротой, да ещё и связался с Черной организацией, — он никак не ожидал, что всё окажется ещё хуже. Это был худший из возможных стартов в развитой стране, и утешало лишь то, что он не родился в такой обстановке женщиной, иначе эта история могла стать ещё более омерзительной.

Впрочем, теперь, когда он стал подопытным с изменённым телом, чья жизнь отныне и навсегда зависит от препаратов преступного синдиката, и чья судьба оказалась переписана без права выбора, нельзя было сказать, что ему сильно повезло. Однако, если взглянуть на это с точки зрения самого юноши, возможно, это был неплохой выход.

Сам Иншань Бу, разумеется, не имел ничего против: в конце концов, Джин был ходячим банкоматом... богом богатства, и он с удовольствием рассчитывал на множество возможностей для общения в будущем. Вот только стоило ему услышать упомянутые Джином обучение и тренировки, как у него невольно сжалось сердце, и возникло предчувствие, что его расписание на ближайшее будущее окажется не слишком радужным.

Было ещё кое-что, привлекавшее его интерес: внешность Джина восемь лет назад ни на йоту не отличалась от того, как он выглядел сейчас.

В отличие от размытой возрастной разницы между двадцатью и тридцатью годами или между тридцатью и сорока, юношеская незрелость черт сразу после совершеннолетия — это крайне узнаваемая и неповторимая особенность. Джину на вид было лет двадцать-тридцать, и восемь лет назад в нём должна была оставаться хоть какая-то зеленоватость, но на деле он не изменился ни на капелью.

С тех пор Джин заходил каждый в строго назначено время, принеся ему документы, удостоверяющие личность, бумаги на оформление опекуна, а также ключ, мобильный телефон и браслет.

Наблюдая со стороны за тем, как юноша с некоторой неуклюжестью пытается разобраться, как пользоваться телефоном, Джин не стал указывать на то, что тот никогда раньше им не пользовался, и лишь бесстрастно произнёс:

— В телефоне сохранён мой номер. Надень браслет и больше не снимай.

Упрямый и молчаливый юноша с помощью собственной сообразительности быстро во всём разобрался, кивнул в знак понимания и проводил взглядом уходящего мужчину.

Будучи первоклассным киллером Черной организации, имеющим кодовое имя, Джин обладал более высоким уровнем доступа, чем рядовые члены организации, а потому работы у него было куда больше. То, что он мог выкроить хоть немного времени на визиты, уже само по себе являлось результатом доверия к Цудзи Кудзи, и именно поэтому ему постоянно приходилось подыскивать новых подчиненных: по мере расширения организации дел у него становилось всё больше, но он же не мог заниматься абсолютно всем лично.

Теперь же у него прибавилась еще одна хлопотная задача.

В день выписки добрая женщина-учередный сотрудник аккуратно собрала слишком длинные волосы Иншань Бу и завязала их на затылке резинкой. Своей одежды у него не было, поэтому пришлось уходить в больничной пижаме. Сначала юноша отчаянно сопротивлялся

приближению исследователей, но на прощание тихо поблагодарил сестру, которая всё это время проявляла к нему доброту, заставив её искренне улыбнуться — правда, за этой улыбкой скрывалось тяжелое, неразрешимое чувство вины.

Юноша ничего этого не заметил. Молча развернувшись, он последовал за шедшим впереди рослым мужчиной в черном, и его хрупкая, тощая спина скрылась в глубине мрачного коридора, постепенно растаяв во взгляде сотрудницы.

Оказавшись в новом доме, Джин просто бросил его там и больше ни о чём не беспокоился. Чуть позже Водка привез ему огромные баулы с предметами первой необходимости, сменной одеждой и даже целым комплектом совершенно нового постельного белья. Столь разительная разница в обращении наглядно отражала разницу в отношении самого Джина. Судя по всему, Водка теперь должен был стать его настоящей нянькой, и Иншань Бу даже проникся к нему некоторым сочувствием.

Хотя ему всё ещё было жутко любопытно, что находится в комнате Джина, он не сомневался, что такой профессиональный убийца, как Джин, непременно оставил какие-нибудь ловушки на случай незаконного проникновения. Джин же не предупредил его, куда заходить нельзя, так что, возможно, первое испытание уже началось без лишних слов.

В те времена мобильные платежные системы еще не вошли в обиход, и обычные люди чаще пользовались наличными, поэтому Водка оставил ему пачку купюр — на случай, если он проголодается, чтобы тот мог сам купить еды или заказать доставку. Он понятия не имел, что стоящий перед ним парень — это деревенский сирота, которого Джин охарактеризовал как человека с низкой степенью социализации. Тот долгое время жил отшельником и никогда в жизни не держал в руках смартфон. Юноша ничего не ответил, спокойно поблагодарил его, взял вещи и отправился обустраивать пустую квартиру. Его непринужденные и вежливые манеры не позволили Водке разглядеть его истинное происхождение, наоборот, тот подумал, что такой стиль как раз должен прийти по душе старшему брату.

У Водки оказался неплохой вкус: постельное белье было сшито из ткани высшего качества, по крайней мере, Иншань Бу, предъявлявший завышенные требования к домашней утвари, не нашел к чему придраться, да и привезенная одежда пришлась впору.

Отправившись в ванную освежиться, он критически оглядел в зеркало своё нынешнее тело: кожа казалась неестественно бледной, а фигура исхудавшей до угловатости. Он невольно нахмурился, но тут же расслабился. Последние полгода он провёл без сознания, а в ходе экспериментов его ткани и органы постоянно стимулировались к регенерации, так что проблемой стал вопрос энергоснабжения. Если бы не его [Трансформация энергии], повышавшая эффективность усвоения калорий, он, пожалуй, не дожил бы даже до момента, когда впервые открыл глаза. Судя по его легенде, ребенок из глухой деревни никак не мог сохранить столь белую кожу — это объяснялось лишь тем, что клетки кожи стремительно обновлялись, а сам он не видел солнечного света в подвале.

Облачившись в новенькую белую рубашку, черные джинсы и набросив сверху черную кожаную куртку, юноша в зеркале из-за своей худобы казался обладателем огромных глаз, острого

подбородка и бледных губ. Он походил на изнеженное оранжерейное растение, которое вот-вот сломает порывом ветра.

Недовольный своим видом, Иншань Бу мысленно быстренько составил себе питательное меню, решив для начала как следует набрать вес, а уже потом заняться мышечной массой — такой болезненный вид совершенно не отвечал его ожиданиям. Впрочем, демонстрировать излишне целенаправленное поведение с самого начала тоже было нельзя.

Здесь ему была предоставлена большая часть свободы, в том числе возможность свободно выходить на улицу, поэтому он наугад зашагал до самого конца первой попавшейся дороги, отыскал мини-маркет, где приобрёл пять порций бенто и дюжину бутылочек концентрированного энергетического напитка. Дома он всё это разом умял, наконец-то утолив изнуряющее чувство голода.

А после его заурядной рвотой и диареей.

Черт, гастрит.

Иншань Бу впал в отчаяние. Он совершенно забыл, что последние полгода его тело не получало нормальной пищи, и совершил столь банальную ошибку. Пришлось, волоча больное тело и смирившись со своей участью, тащиться далеко в аптеку за желудочными средствами, таблетками от диареи и жаропонижающим.

Когда вечером вернулся Джин, по коробочкам с лекарствами на кухонной столешнице он сразу догадался, что именно здесь произошло. И хотя мальчишка оказался на редкость самостоятельным и смог отлично замести собственные следы, подобных неприятностей вообще-то можно было избежать.

Осознав, что забота о ребенке оказалась куда хлопотнее, чем он предполагал, Джин потер переносицу, внезапно пожалев, что назначил опекуном самого себя — следовало забрать из организации какую-нибудь женщину-агента для выполнения подобной рутинной работы, требующей терпения и внимания. Вот только в тот момент ему не пришла на ум ни одна подходящая кандидатура с кодовым именем, так что пока он записал подопечного на свое имя.

Поднявшись наверх, он открыл дверь гостевой спальни — внутри царила кромешная тьма. Включив свет, он увидел, что комната идеально убрана, а в большой кровати угадывался слабо колышущийся кокон из одеяла.

Джин не стал нарочно заглушать шаги. Услышав открывающуюся дверь, юноша настороженно проснулся и, стоило мужчине подойти к постели, уже сидел, прижав к груди одеяло. Несколько деревянно и нерешительно он произнес:

— ...С возвращением.

Он старательно и почтительно отыгрывал отведенную ему роль.

Джин бесстрастно бросил:

— Не нужно этого.

Юноша опустил взгляд и умолк, после чего почувствовал, как мужская рука коснулась его лба. Очевидно, жар спал — похоже, его организм обладал не только потрясающей способностью восстанавливаться от физических травм, но и ускоренным исцелением от прочих недугов.

— Отныне еду будут приносить три раза в день. Завтра я оформлю тебя в старшую школу, но программу старших классов ты будешь изучать дома самостоятельно. Как только окрепнешь, приступишь к физическим тренировкам.

— Я понял.

Иншань Бу кивнул, его голос звучал ровно и бесстрастно. Он не имел ничего против, словно самостоятельное изучение старшекласной программы было таким же привычным и простым делом, как поесть или поспать.

Почувствовав, что всё необходимое уже сказано, Джин развернулся и собрался уходить, но его пальцев кто-то внезапно коснулся. Подавив инстинктивный рефлекс отдернуть руку, он обернулся и бросил взгляд на спешно схватившего его юношу. В его холодных глазах читался безмолвный вопрос.

— Я... справлюсь.

Пижама на юноше сидела чересчур свободно, пряди черных волос падали со бледной, точеной шеи прямо в воротник, на щеках еще не сошел румянец от недавней лихорадки, однако взгляд его сиял. Внутри него горела истовая жизненная сила, шедшая в абсолютный разрез с хрупким телом.

— Скажи мне свои требования и ожидания, я всё выполню.

Услышав это, Джин собирался просто уйти, но вдруг ему что-то пришло в голову. Сделав над собой усилие, он повернулся обратно, протянул руку и слегка потрепал мальчишку по макушке:

— Хорошо.

Планы, озвученные Джином, претворились в жизнь уже на следующий день.

Глядя на нераспакованную коробку с ноутбуком в гостиной и принесенный точно к назначенному часу теплый завтрак, Иншань Бу в очередной раз вынужден был отдать должное оперативности Черной организации, а заодно и ее финансовым возможностям. Интересно, шли ли эти траты по личным счетам Джина или списывались на представительские расходы организации?

Поскольку японские государственные школы финансировались из госбюджета и при этом практиковали ротацию учителей и директоров каждые несколько лет, уровень преподавания и технического оснащения в муниципальных учебных заведениях как в мегаполисах, так и в глуши почти не отличался. Именно поэтому в эпицентре японской экономики — Токио — частные старшие школы ценились гораздо выше государственных, а конкуренция в них была куда жестче. Одного лишь рассмотрения документов для подачи заявления на поступление было недостаточно — требовалось успешно сдать письменные экзамены и пройти собеседование.

На дворе уже стояло начало мая, в то время как учебный год в Японии стартовал в начале апреля, и каждый ученик обязан был сдавать вступительные экзамены за полгода вперед. Иншань Бу же получил приглашение на вступительные испытания спустя целых месяц после начала занятий.

Он с каменным лицом посмотрел на Джина, подозревая, что сегодня встал с левой ноги.

Джин выглядел не менее раздраженным: вступительные экзамены в эти школы требовали присутствия опекуна, и даже несмотря на то, что он задействовал определенные связи, чтобы выбить для Иншань Бу шанс сдать экзамены в порядке исключения и перевестись в середине года, всю процедуру всё равно приходилось проходить от и до. К примеру, сегодня Иншань Бу предстояло выдержать в общей сложности пятичасовое письменное испытание по японскому языку, математике и английскому, а также получасовое собеседование.

Выражения лиц обоих при встрече взглядами оставляли желать лучшего. Джин думал о том, что раз уж в средней школе Иншань Бу без труда умудрялся сдавать тесты на высшие баллы, то и нынешний экзамен не должен составить труда, в то время как Иншань Бу внутренне запаниковал и тут же полез в систему магазина искать читы.

[Школьный выпускной экзамен для средней школы и всероссийский экзамен для старшей школы (регион Япония): идеальный помощник на экзаменах, который с легкостью избавит вас от 80% проблем несовершеннолетних.]

Эта штука стоит целых 800 иен, почему бы им просто не пойти грабить банк!

Но учиться — это невозможно, учиться он не станет ни за что в жизни.

К счастью, его прекрасный старший брат Джин проявил широту душевную и подкинул ему немного карманных денег, иначе он бы этого даже не купил. С тяжелым сердцем совершив покупку и взглянув на остаток на счете, Иншань Бу послушно протянул руку и потянул Джина за рукав, попутно выдумав первое попавшееся оправдание для своего поведения:

— Доставляю тебе хлопот.

Джин бросил взгляд на юношу и заметил, что, в отличие от некоторых детей, которые отчаянно рвутся в элитные частные школы, но не обладают достаточными способностями, или же страдают от отвращения к учебе, Иншань Бу и впрямь ни капли не интересовала сама школа, напротив — он испытывал беспокойство из-за того, что впустую тратит время. Если вспомнить его прежний тяжелый опыт, такое отношение вполне можно было понять.

Джин не стал бросаться фразами вроде «в токийской старшей школе больше не повторится то, что было в прошлом». Он вовсе не собирался позволить Иншань Бу впустую просиживать штаны в старшей школе целых три года — тому предстояло усвоить еще очень многое. Если уж Джин собирался потратить время и деньги на выращивание подручного, то лучше бы этот подчиненный оправдал его ожидания. Поэтому, хотя вслух он ничего не говорил Иншань Бу, он уже давно решил лично контролировать успеваемость и физическую подготовку юноши.

Если у парня достаточно светлая голова, можно направить его углубленно изучать биомедицину или компьютерные технологии; если неплохи спортивные задатки — тренировать комплексный рукопашный бой и стрельбу. Вырастить из него нового снайпера тоже сойдет. Но если в обоих случаях способности окажутся посредственными, останется лишь задействовать его главную особенность — живучесть — и бросать на грязную работу во время особо опасных заказных убийств.

У всего в этом мире есть своя цена, а организация никогда не была местом, где царит сентиментальность.

Иншань Бу не знал, о чем думает и что планирует Джин, но он и сам прекрасно предвидел свое будущее и ничуть не удивился. Пожалуй, единственным, кто действительно мог удивиться, был Джин: в конце концов, обладающий системным магазином Иншань Бу всегда будет универсальным бойцом без слабых мест.

Закончив пополнение счета своего читерского инструмента, Иншань Бу успокоился, опустил взгляд на свою белую футболку с коротким рукавом и черные джинсы и спросил у опекуна:

— На собеседование нужно надевать официальный костюм?

— Не нужно. Выдвигаемся через десять минут.

Джин считал, что Иншань Бу не обязательно знать такие мелочи, как название школы, да Иншань Бу изначально и не волновало это. Но когда Порше остановилась у школьных ворот, он взглянул на вывеску с надписью Старшая школа Тэйтан и на мгновение онемел.

Это место уже вполне можно считать достопримечательностью, куда приходят отметить туристы.

В будущем старшая школа Тэйтан будет кишеть талантами: здесь учится не только банда главного героя Кудо Шиничи, но даже переводятся родственники агентов ЦРУ и ФБР. Сразу видно, что это элитное частное учебное заведение высшего уровня как по материальной базе, так и по уровню подготовки. В конце концов, здесь учится даже Судзуки Соноко, чьему богатству позавидуют целые государства.

Однако, если вдуматься, родственники из ЦРУ и ФБР учатся здесь под прикрытием, чтобы выследить Черную организацию, и даже не подозревают, что сама Черная организация тоже устроила сюда несовершеннолетнего числиться учеником. Выходит, воды в этой старшей школе Тэйтан мутнее некуда — ее глубже просто не сыскать.

Учебный год шел уже примерно месяц, и по кампусу то и дело сновали молодые парни и девушки в школьной форме. Первокурсники уже избавились от скованности первых дней учебы и всю резвились и ходили ходуном по территории школы. И эта бурная юношеская энергия резко контрастировала с двумя фигурами в черных плащах — Иншань Бу и Джином.

Да, из чистого озорства Иншань Бу сегодня специально надел черный плащ. Фасон был совсем

другим, но стоило выдержать нужный образ, как рядом с Джином он стал чертовски похож на дешевого киллера — по крайней мере, так казалось ему самому. Перед выходом Джин ничего не сказал на этот счет, так что Иншань Бу расхаживал в своем косплее с совершенно невозмутимым видом. Правда, надевать шляпу он все же не рискнул: ему подозрительно казалось, что Джин воспользуется случаем и наподдаст ему.

Когда они пересекали территорию школы, направляясь к административному корпусу, где находился приемный кабинет, в их адрес полетело множество взглядов от учащихся. Старшеклассники, несмотря на свой беззаботный возраст, питали жгучий интерес ко всему загадочному — будь то готик-рок-банда головорезов или эти двое холодных, угрюмых красавцев с длинными волосами.

Иншань Бу мысленно озвучивал паливших на него девчонок за кадром и попутно гадал, попадет ли этот эпизод в мангу — должно быть забавно.

-

Приемная комиссия.

После регистрации вперед вышел молодой преподаватель и приготовился проводить Иншань Бу на письменный экзамен.

— Я быстро управлюсь, долго ждать не придется, — юноша дернул мужчину за рукав плаща, поднял на него спокойный взгляд, и в его голосе не было ни хвастовства, ни бравады — лишь легкое чувство вины, словно он заверял собеседника, что не отнимет много времени.

Джин окинул его взглядом, чуть качнул подбородком и бросил:

— Иди.

Изначально он собирался посадить его здесь и сразу уехать, но, подумав напоследок, знаком велел завучу проводить парня в комнату отдыха для родителей, после чего принялся работать с телефона.

Однако Джин никак не ожидал, что слова Иншань Бу о том, что он быстро справится, окажутся чистейшей правдой. Экзамен по трем предметам, рассчитанный в общей сложности на целых пять часов, был прерван стуком в дверь уже через час и двадцать минут.

Джин еще не успел дописать последнее письмо, поэтому с легким раздражением бросил вошедшему войти. К его удивлению, дверь открыл Иншань Бу.

— Ты уже закончил? — подозрительно спросил он, даже допуская мысль, что парень просто завалил задания и добровольно бросил экзамен.

— Ага, — юноша перекинул через локоть плащ. Белая хлопковая футболка подчеркивала его стройную фигуру, а черные волосы до плеч, заправленные с одной стороны за ухо, скользнули вниз от кивка. Уверенной походкой он подошел ближе, присел на корточки у ног мужчины, сидевшего на диване с закинутыми друг на друга длинными ногами, поднял голову и произвел: — Спасибо за ожидание.

Мужчина с серебристыми волосами выпрямился и сверху вниз посмотрел на юношу, словно взвешивая добровольно переданную ему незримую власть и новый формат их отношений. Наконец он протянул руку, легко провел ладонью по волосам парня, мимоходом заправив

выбившиеся пряди у него на щеке за ухо, и негромко произвел:

— Отличная работа.

Юноша слегка прищурился, инстинктивно замер, чтобы не мешать движениям мужчины, а при повороте головы вышло так, будто он сам потерся о пальцы Джина или прижался щекой к его ладони. Осознав свое поведение, юноша внезапно напрягся — с таким расстроенным видом дикий зверь, обольщенный едой и теплым убежищем, внезапно осознает, что полностью попался в ловушку.

Все еще волчонок, не до конца прирученный. Мужчина отдернул руку, с безразличной мыслью в голове.

— Собеседование отменяется?

Когда Иншань Бу вошел в пустой класс, он задал молодому надзирателю вопрос:

— Скажите, в английском есть аудирование? Сколько примерно длится?

Экзаменатор на секунду замерла и ответила:

— Пятнадцать минут.

— А, — юноша неопределенно покачал головой и коротко вздохнул: — Слишком долго.

Ничего не заподозрив, преподаватель решила, что он из тех учеников, кто не силен в восприятии иностранных языков на слух, а потому недолюбливает эту часть, и просто выдала ему математический тест.

Однако ей показалось, что она только открыла телефон, чтобы ответить на пару сообщений, и еще даже не успела ощутить всю тоску монотонного надзора, как сидевший за партой юноша поднял руку и невозмутимо произвел:

— Я закончил. Какой следующий предмет?

— С-закончил? — ошеломленно переспросила экзаменатор, а затем нахмурилась. Она подумала, что ученика с такими ужасными знаниями по математике в эту школу наверняка даже не примут; и даже если его опекун заставил завуча сделать исключение и разрешить вступительные экзамены в такое нетипичное время, это не отменит плачевных результатов и тем более не станет поводом для зачисления вне всяких правил.

Хотя в ее душе поднялся целый букет эмоций, где презрение смешивалось с сожалением (презрение — к тупорылому потомку привилегированного класса, а сожаление — естественная жалость молодой женщины к миловидному юноше), экзаменатор все же нашла в себе силы проявить должный профессионализм и уточнить:

— Ты уверен, что сдаешь работу?

Если бы не страх потерять баллы за промежуточные шаги, Иншань Бу вообще предпочел бы сразу выписать конечные ответы. Фраза вроде «Я спешу» показалась бы ей слишком наглой, поэтому он ответил кратко:

— Уверен.

Едва заметно вздохнув, преподаватель забрала у юноши листок и протянула ему чистый бланк по японскому языку. Вернувшись за учительский стол с математическим тестом в руках, она сначала бросила взгляд на графу с именем и отметила на удивление аккуратный почерк, отчего первоначальное впечатление сразу немного улучшилось. Зная, что задания на выбор и заполнение пропусков такие ученики обычно просто тыкают наугад, она перевернула лист на обратную сторону, чтобы полюбоваться на оформление развернутых задач. Однако весь ход вычислений и расчетов был изложен под условиями безупречно и чисто, без единой поправки, а вспомогательные линии выглядели такими же ровными, будто их провели по линейке.

В ее голове шевельнулась совершенно безумная мысль. В панике она вскочила на ноги, большими шагами вылетела из класса, напроць забыв про обязанности надзирателя, ворвалась в кабинет завуча и выпалила:

— Завуч, у вас тут случайно нет ответов на математический тест?

Увидев, как молодая преподаватель врывается к нему растрепанной, завуч — мужчина средних лет — нахмурился и спросил:

— Что случилось?

— Вы только взгляните на это, — понизив голос, молодая учительница совладата с эмоциями и пояснила: — Это сделал тот парень, что писал экзамен. Мне кажется, он не наугад тыкал.

— Тот самый? Иншань? — завуч услышал знакомое имя, с удивлением нацепил очки с толстыми линзами, взял из ее рук тест и пробежал глазами по имени, после чего перевернул на последнюю страницу с задачами и переспросил: — Это он только что написал? И сколько времени прошло?

— Двадцать... минут десять, наверное, — вспомнив таймстампы в переписке с подругой, смущенно произнесла молодая преподавательница.

Лицо завуча помрачнело. Он немедленно вынул из стопки бумаг ключи к заданиям и углубился в сверку. Поскольку набор этого года сдавал вступительные экзамены еще полгода назад, чтобы этот сорванец не вздумал схитрить и воспользоваться старыми вариантами, ему выдали свежий пробный экзамен для первокурсников, который по сложности ни капли не уступал вступительному. Работы только-только проверили, так что в результатах Иншань Бу не было ни капли фальши или подделки.

Спустя несколько минут завуч с грохотом опустил ладонь на стол, взволнованно вскочил и произнес:

— Стопроцентное попадание!

Сообразив, что ведет себя слишком бурно, он откашлялся, взял листок с правильными ответами и направился в экзаменационный класс, думая про себя: если остальные два предмета у паренька не совсем завальные, можно зачесть ему экзамен автоматом. Вступительный порог здесь считался по сумме баллов, и если по одной только математике высший балл — это с лихвой покроет любые другие пробелы. В Японии не слишком жалуют олимпиады, поэтому интерес завуча к Иншань Бу был продиктован чистым восхищением перед гениальной юношей и верой в его светлое будущее. Как-никак, процент поступлений и количество зачисленных в Токийский и Киотский университеты напрямую влияли на его показатели, а такие светлые головы обычно становились главными добытчиками заветных писем о зачислении.

Заложив руки за спину, он заглянул в класс через оконное стекло и принялся наблюдать за тем, как черноволосый парень решает задачи. Тот не останавливался ни на секунду: стоило ему прочитать условие, как рука тут же начинала строчить ответ без единой заминки. Перо в его руке словно само творило чудеса.

— Какой сейчас предмет?

— Японский.

— Пишет блок по пониманию текста? — хмурясь, догадался завуч. — И даже не раздумывает над смыслом?

Учительница промолчала, мысленно признавшись себе, что точно так же думала и про математику, когда проверяла ее.

Стоя у окна, они плечом к плечу пялились на худую фигуру самозабвенно строчившего юношу в пустом классе. С одной стороны, им казалось, что он пишет подозрительно быстро, с другой — они томились в нетерпении, желая поскорее увидеть результаты проверки и вынести вердикт: гений перед ними или зарвавшийся наглец.

К счастью, юноша не стал долго их томить. Спустя сорок минут после получения бланка он с облегчением выдохнул, помассировал затекшую шею и поднял голову в поисках надзирателя, но обнаружил, что за учительским столом никого нет. Тут же дверь класса отворилась, завуч молча забрал со стола стопку бумаг и уселся неподалеку, а экзаменатор поспешно подсунула парню новый буклет по английскому.

Иншань Бу так устал писать сочинение, что у него ныла рука. Бросив взгляд на обоих преподавателей, он даже не стал уточнять, когда включают аудирование, а просто решил покончить со всем разом. А завуч, пропустив базовую грамматику и сразу уткнувшийся в эссе, неожиданно для себя уловил в этом коротком и аккуратном тексте настоящий эмоциональный отклик. Сверив ответы на предыдущие блоки, он наконец окончательно уверился: перед ним редчайший гений. Не зубрила-отличник, строго следующий правилам, а уникальный талант, которому стандартное школьное образование было абсолютно ни к чему.

Если изначально он планировал вырастить из этого ученика будущего студента Токийского университета, то теперь в его душе зародились некоторые сомнения.

Английский Иншань Бу шелкал чуть медленнее, чем математику — исключительно из-за объема текста. Сдав работу, он заметил, что проверкой английского никто даже не пытается заняться. Вернее, молодая экзаменатор утащила его в сторонку и принялась проверять, но выглядела при этом донельзя возбужденной — будто наткнулась на сенсационную новость века. А до того серьезный завуч с одобрительной улыбкой кивнул ему и произнес:

— Отличная работа, Иншань-кун!

— Спасибо.

Юноша спрятал ручку обратно в карман, сохраняя такое спокойное и непринужденное выражение лица, будто только что вышел из спортзала, а не отпахал пятичасовой экзамен. Подхватив плащ, он поднялся со стула и поинтересовался:

— Скажите, где находится мой опекун?

<http://bllate.org/book/22546/2381819>